

Павел Мельников-Печерский

Красильниковы

*Часть сборника
Княжна Тараканова и принцесса
Владимирская (сборник)*

Павел Мельников-Печерский

Красильниковы

«Public Domain»

Мельников-Печерский П. И.

Красильниковы / П. И. Мельников-Печерский — «Public Domain»,

«В уездном городе С. остановились мы посмотреть на известные кожевенные заводы Красильникова. Нетрудно было отыскать дом богатого заводчика, каменный, двухэтажный, лучший во всем городе; стоит он недалеко от древнего собора, обезображенного пристройками в «новейшем» вкусе...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Павел Иванович Мельников-Печерский

Красильниковы

Из дорожных записок

I

В уездном городе С. остановились мы посмотреть на известные кожевенные заводы Красильникова. Нетрудно было отыскать дом богатого заводчика, каменный, двухэтажный, лучший во всем городе; стоит он недалеко от древнего собора, обезображенного пристройками в «новейшем» вкусе.

В верхнем жилье, в окнах с цельными зеркальными стеклами стояли незатейливые гипсовые изображения Вольтера, Суворова, поднявшей чуть не выше головы правую ногу Тальони, зеленого попугая с коричневым носом и разноцветной кошки, с головой, качавшейся при малейшем прикосновении. В среднем окне виднелись дорогие бронзовые часы, а стекла других залеплены были вырезанными из цветной бумаги подобиями лошади и чего-то вроде буквы Ф., с раздвоенным нижним концом и трехуголкой с перьями наверху. В нижнем жилье в окна вделаны были толстые железные решетки, а стекла сплошь выбиты. На цоколе красным карандашом в несколько рядов писаны бирочные знаки: кресты, кружки, черточки – открытая на весь мир расходная книга приказчика, отпускаявшего кому-то опойки.

Ворота были заперты. Я стукнул тяжелым железным кольцом о дубовое полотно калитки: раздался сильный лай цепной дворняжки, и в подворотне показались три собачьи морды, скаля зубы и заливаясь глухим ревом. Щеколда изнутри стукнула, и краснолицая, курносая девка-чернавка, вершков одиннадцати в отрубке, одетая в засаленный московский сарафан из ивановского ситца, просунулась до половины и спросила нас:

- Кого вам надоть?
- Корнила Егорыч дома?
- А отдыхает: сейчас пообедамши.
- Когда его можно застать?
- А не знаю же я... Да вы откелева будете?
- Из П...

Я назвал губернский город.

- По кожу аль по сало?
- Нет... Так, нужно хозяина повидать. Когда застать-то?
- Не веду. Спрошать разве Марью Андревну, коль не започивала.

Заперла девка-чернавка калитку, ушла. Воротясь минут через пять, сказала:

- В вечерню приходите, не то завтра после ранней обедни.
- Ну, завтра так завтра.

Мы с путевым товарищем хотели было идти на постоялый двор, где остановились за неимением в С. гостиницы; но девка-чернавка еще раз спросила нас, должно быть, для удовлетворения собственного любопытства:

- А сами-то вы из каких будете? Приказчики, что ли, чьи?
- Нет, не приказчики.
- Кто же вы?
- Чиновные.
- Из судов?
- От губернатора.

Это слово имело чародейную силу: не прошли мы ста сажень, как за нами послышались крики:

– Обождите-ка, воротитесь-ка! Корнила Егорыч вас кликнуть велел.

Босоногая девка-чернавка бежала во всю прыть. Ее перегоняли собаки, одна вцепилась в полу моего спутника.

– Лыска! Лыска! цымате! Экой пострел, кабан проклятый! – кричала изо всей мочи девка-чернавка.

И, схватив валявшуюся на улице слегу, принялась колотить направо и налево косматых стражей Корнилы Егорыча. Собаки завизжали и побежали домой. Путеводимые спасительницей от их ярости, вошли мы на двор Красильникова, обошли парадное крыльцо, где обглоданные мослы и сбитое сено указывали на жительство врагов наших, и теперь еще исподтишка бросавшихся под ноги. Обогнув угол дома, по заднему крыльцу вошли мы наверх, нагибаясь под протянутыми веревками, развешанными для просушки белья. По всему двору крепко пахло дегтем и кожей.

Темными закоулками провела нас девка-чернавка в обширную комнату – в «залу» и, молвив, что хозяин сейчас выйдет, ушла.

По убранству комнаты видно было, что Корнила Егорыч – человек домовитый и, разбогатев, из кожи лез, чтоб на славу украсить жилище свое: денег не жалел, все покупал без разбору, платил втридорога, и все невпопад. Отделав стены под мрамор, раззолотил карнизы, настлал дубовый мелкоштучный паркет, покрыл его шелковыми коврами, над окнами развесил бархатные занавеси, а на стену наклеил литографию Василья Логинова, в углу повесил клетку с перепелом, а на окнах между кактусом и гелиотропом в полуразбитых чайниках поставил стручковый перец да бальзамин. Мебель в гостиной за дорогую цену куплена была в Петербурге да еще наперебой с каким-то вельможей; но сшитые из поношенного холста с крашенинными заплатами чехлы снимались с нее только в светлое воскресенье да в хозяйские именины. В великолепных лампах, расставленных по столам и по углам, масла сроду не бывало, да во всем С. и зажигать-то их тогда еще никто не умел.

Непривычно Корниле Егорычу ходить по мелкоштучному паркету, не умеет он ни сесть ни стать в комнатах, строенных не на житье, а людям напоказ, робеет громко слово сказать в виду дорогих своих мебелией. Душно ему в своем доме, сбывлась над ним пословица: «Своя воля страшней неволи». Осторожно пробираясь меж затейливыми диванами и креслами, ровно изгнанник, бежит Корнила Егорыч из раззолоченных палат в укромный уголок, чужому человеку недоступный. Там на теплой изразцовой лежанке ищет он удобств, каких не сыскать в разубранных комнатах. Вот у лежанки стоит сосновый, крепкой водкой травленный стол под ярославской салфеткой; на нем счетная книга, псалтирь и «Московские Ведомости»; у стола стул-складень; привык к нему Корнила Егорыч, еще сидя мальчишкой в чужой лавке. Вот двухспальная кровать с пуховиком чуть не до потолка и с дюжиной подушек: крепко спится на ней Корниле Егорычу. Вот кафельная печь с поливными фигурами балахонской работы: ровно баню, греет она заветный угол хозяина и приглядней ему беломраморных стен залы и бархатных обоев гостиной. А часов с кукушкой, что повешены против кровати, не отдаст он за две дюжины дорогих часов, что на мраморном подставе красуются у среднего окна гостиной. Добровольно, но подчас с досадой, жметесь Корнила Егорыч в тесной мурье – хватил бы все по боку и зажил бы как хочется – да нельзя!.. Как от людей отстать? Попал в стаю – лай не лай, а хвостом вилай... Еще скрягой прозовут. Зато раз отведена была у него квартира для губернатора. На прощаньи генерал сказал хозяину: «Ну, Корнила Егорыч, домик-то у тебя на славу отделан – мебель хоть во дворец». И счастлив и доволен был Корнила Егорыч и сторицей вознагражден за досадные минуты, когда, проходя бочком мимо дорогих мебелией, думает сам про себя: «И на какой шут, прости господи, такие стулья наделаны? Сесть порядком нельзя – без сноровки провалишься совсем».

Не странно в зале Корнилы Егорыча встретить и логиновскую литографию, и стручковый перец, и перепела в клетке из лутошек. Дороги они хозяину, добровольному заточеннику в золотой тюрьме своей. Вспоминали они ему бывшее, бедное, но свободное от несродного житья-бытья время – время молодости, когда жилось веселей, а на свете божьем было просторней и все смотрело ясней и радостней. Кроме перепела да перца, остальное было чуждо, несродно хозяину: здесь ему и свое не свое, здесь и сам он ровно на выставке – миру напоказ. Ничего для себя; все для чужих; даже гипсовых Вольтера с попугаем поставил он передом на улицу.

По лицу вышедшего к нам Корнилы Егорыча видно было, что могучее слово «от губернатора» оторвало его от дорогой лежанки. Заметно было, что одевался он наскоро; золотых медалей однако ж не забыл надеть. Это был широкоплечий старик среднего роста, волосы совсем почти белые, борода маленькая, клином, глаза подслеповатые, но живые, выразительные. По суровому облику его видно было, что это старик своеобразный, крутой; а россыпью глядевшие глаза обличали в нем человека, что всякого проведет и выведет. Но в этом хитром, бегающем взоре крылась какая-то грусть затаенная. Туманилось лицо Корнилы Егорыча горем душевным, еще не выношенным, не выстраданным. День меркнет ночью, человек печалью, а горе, что годы, борозды по лицу проводит. Казалось, и Корниле Егорычу не годы убелили голову, а душевное горе. Оно не молодит, а косицу белит.

– Покорно просим! – сказал Корнила Егорыч. – Извините, позадержал: соснуть было прилегло.

И, при воспоминанье о лежанке, зевнул, набожно перекрестив рот. Мы извинились, что потревожили его, сказали свои имена и показали открытый лист начальника губернии, где было сказано, что приехали мы из Петербурга от министра внутренних дел для собрания статистических сведений. После того я попросил хозяйского дозволения взглянуть на его кожевенный завод.

Без чашки чаю, без рюмки вина, без закуски от русского купца старого закала никому не уйти. Старинное хлебосольство не чуждо было и Корниле Егорычу. На столах появились вино, закуска, разные сласти. Приказчик, стриженный в скобку, в длиннополой суконной сибирке с борами назад и с сильным запахом кожи, подал чай. Речь шла про торговлю.

– Кожа плохо пошла! – говорил Корнила Егорыч. – В прежние годы в одну Одессу мы втрое больше ставили, в Ливурну оттоле возили; теперь стало дело, да и шабаш.

– Отчего ж так, Корнила Егорыч?

– Сырьем повезли. У иностранцев, я вам доложу, на этот предмет руки золотые – не нашим чета. Наш брат русак сметкой взял, а немец – терпеньем. Да в нашей-то сметке горе проявилось, да не одно, целых три... Русский человек на трех сваях стоит: авось, небось да как-нибудь. Нам бы тят-ляп и корабль, а там – нет-с, там на этот счет все в аккурат... К примеру хоть кожа: что наша русская кожа? Вон на дворе партия юхты лежит, – на Урюпинску заготовил – развальной-ка воз: тут подрез, тут гниль мясная, а тут и все дырье... Отчего?... Оттого, что платишь рабочему поштучно, он тебе и делает как-нибудь, одно норовит: больше бы кож обрядить... Да как пошел ножом сплеча валять, тут ему не до подрезей. Небось, говорит, хозяин не приметит. А хозяин, наш брат, не в печку же ему бросать порчену кожу: авось, думает, на ярмонке сбуду. А как работник-от делает как-нибудь да хоронится за небось, да как и хозяин-от на авоське в ярмонку выезжает – добра не жди. Правду надо говорить!.. Вот за границу наша кожа и нейдет, а сырье иностранцы с руками готовы рвать. Из русского сырья они такую тебе кожу сработают, что нашей-то в нос кинется. Вот отчего, сударь, стала наша кожа. Красна юхта покуда еще идет – это особь статья, эта завсегда пойдет; у нас березы-то не занимать статью, а за границей чуть не каждый сучок на перечете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.